

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА А. АВРУТИНА

Болтовская Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры общего и славянского языкознания
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Лавшук Оксана Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Исследование выполнено в рамках задания 4.2.12 «Национальный образ мира в русскоязычной литературе Беларуси» ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (№ госрегистрации 20161434).

Концепт «дом» является одним из базовых пространственных концептов, отражая наиболее близкую к человеку сферу повседневной действительности. Вопрос о месте данного концепта в русской языковой картине мира достаточно подробно разработан филологами (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Т.В. Цивьян и др.), однако исследования его индивидуально-авторского преломления в художественной картине мира, которые могли бы значительно пополнить общенациональное содержание личностными смыслами, немногочисленны. По мнению В.А. Масловой, среди русских писателей и поэтов были «разрушители и строители дома» [3, с. 236]. Так, к первым относятся И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов, А. Пушкин, А. Твардовский, ко вторым – Н. Гоголь, А. Ахматова, Н. Гумилев [там же].

Из стихотворений яркого представителя современной русскоязычной поэзии Анатолия Аврутина мы извлекли контексты, репрезентирующие интересующий нас концепт, при рассмотрении которого, на наш взгляд, уместно воспользоваться полевой моделью, разработанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [4].

Семантическая структура концепта «дом» в художественной картине мира поэта состоит из нескольких взаимосвязанных микрополей: 1) дом – строение, здание; 2) дом – жизненное пространство; 3) дом – потустороннее пространство; 4) дом – пространство внутреннего мира лирического героя; 5) дом – семья; 6) дом – родина. Словарные значения ключевой лексемы дом 'здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий'; 'жилое помещение, квартира; жилье' [5, с. 425] находят отражение в лексико-семантических полях «дом – здание, строение» и «дом – жизненное пространство», которые в контексте могут пересекаться: *На драку сбегались и Леля, и Кока, / Их дом от пивнушки стоял недалеко* [1, с. 38]. Основными представителями концепта являются лексемы-гиперонимы *дом/дома, домик, хаты, хатенка, здание, Какой там дом!* [1, с. 53]; *Хлипкий домик на вишневом звоне* [2, с. 22]; *Прокурлычет душа / над ухабами и косогорами <...> Над столетней старухой, / В хатенке сидящей за шторами...* [1, с. 42]. Следует отметить, что признаковые характеристики, которыми автор наделяет дом, в большинстве своем неслестны: *Подпертые стволы облезлы и хромы, / А мокрые дома бесформенны и шатки* [1, с. 7]; *...Эти мутно-тяжелые зданья, / Где окошечки гаснут подряд* [1, с. 71]; *...Только запах очнувшейся прели / Воспарит выше сгорбленных хат* [1, с. 21]. И только образ дома, связанный с детскими воспоминаниями лирического героя, окрашивается положительно: *Какой там дом! / Какие в доме том / Тарелки и ножи! И жизнь другая, / Там весело трезвонит телефон – / Да, те-ле-фон – Как много в этом звуке! / Хозяикин лик в портретах повторен, / И патефон рыдает о разлуке* [1, с. 53].

Микрополе «дом – жизненное пространство» включает в себя следующие составляющие: а) границы, части дома (*дверь, окно, засов, стены, крыльцо, пол, угол, потолок, лорог, крыша* и др.); б) мебель, детали домашнего интерьера (*стол, кровать, зеркало, плита, чайник, свеча, книги* и др.); в) пространство вне жилой зоны дома, вокруг дома (*кухонька, прихожая, почтовый ящик, сад, проулок* и др.). Важнейшей функцией дома является защита жителей, потому что он представляет собой «свое», закрытое, ограниченное, безопасное пространство, противостоящее «чужому», открытому, бесконечному, опасному пространству. В реализации защитной функции должны участвовать все составные части дома. Однако в произведениях А. Аврутина они не выполняют своего предназначения: дом оказывается недосмотренным, неухоженным, плохо освещенным (*В худой двери заржавленный засов, / Да ржавь травы у хмурого острога* [2, с. 69]; *А нынче что? Бумаги да шаги, / И в кухоньке без лампочки – ни зги, / А лампочка моргнула и сгорела, / И вот сижу... И шарю по столу... / И тени тихо шепчутся в углу...* [2, с. 43]), со скрипящими ступенями (*Все как всегда... Скрипят ступени, / Аккорды строятся не в лад...* [1, с. 34]), с немывыми, незаклеенными окнами (*День отупел. На сизых окнах – морось. <...> Октябрь настает с привычным шумом / Дождя за незаклеенным окном* [1, с. 83]; *То ли стонет земля, то ль какая-то хищная птица / Сквозь немывтые стекла / в глаза твои жадно глядит* [1, с. 26]), поэтому потусторонним темным силам легко проникнуть в него снизу (*Мне довольно одной половицы / В покосившемся сиром дому, / Чтобы стала на скрипы дробиться / Чья-то поступь из мрака во тьму* [1, с. 69]), сбоку (*Ворон в окошко впорхнул...* [1, с. 92]; *И плесень с обоев сползла на диван* [1, с. 28]), чтобы разрушить взаимоотношения обитателей (*Ну а там, где по стенке пошла / Злая трещинка, странная сила / Разделила и наши тела, / И с тобою навек разлучила...* [1, с. 32]). Лирический герой в таком доме чувствует себя одиноком, так как переживает многочисленные потери родных и близких ему людей: *...И не хлопнет калитка, / Не лязнет тяжелый засов <...> Я ведь тоже отныне / живу по стоящим часам / И плиты не гашу, / Хоть давно уже выкипел чайник* [1, с. 20]; *Венки... Распахнутая дверь. / Песок... Зеленый холмик дерна. / Не честь потерь...* [1, с. 79]; *Стало в доме темней, хоть свечки не за-*

дули. <...> Стала вдруг каменистее к дому дорога, / Стало некому «Мамочка!» крикнуть с порога... [1, с. 77]. В друзьях у него не люди, а птицы, да и то только те, что не могут подняться ввысь: *А в друзьях у меня однокрылая сойка и стриж, / Что не в силах взлететь выше этих растрепанных / крыш* [1, с. 22]. Он ждет новостей, проверяя почтовый ящик (*Палец в ящик почтовый...* [1, с. 22]), во время в его доме застыло (*... живу по стоящим часам...* [1, с. 20]), иссохло (*И лишь сверчок, как ржавая пила, / За печкой пилит высушенное время* [1, с. 93]), ждалось (*Пуржило... Искры вяло тлели. / В прихожей грохотал засов. / И сжался день в конце недели / До восемнадцати часов* [1, с. 25]), сузилось до таких размеров, что превратилось в почтовый ящик: *Понимаешь внезапно, / что сузилось время само: / До расштанной дверцы, / до – с острой зазубриной – края* [1, с. 23]. Пребывая в доме, лирический герой мечтает о женском тепле, уюте, но старания женщин напрасны: *Сталько ласковых глаз мне напрасно дарили тепло, / Сталько женских теней / покидало мой дом на рассвете!* [1, с. 62]; *О, как же холодно – мечтать / Про жаркие утехи, / Когда не постлана кровать / И в простыне прорехи...* [1, с. 73]. С течением времени лирический герой осознает подобное положение дел как обычное: *Но я привык, как данность, принимать / Остывший чай, несмятую кровать / И эти полумертвые левкои* [2, с. 43]. В доме он, пренебрегая едой и сном, или смотрит в окно, или читает, или сочиняет стихи, относясь к себе, находящемуся в замкнутом пространстве, с иронией: *...Того, кто над неприбранным столом / Все титится в мысль упрятать мирозданье, / Еду и сон оставив на потом* [2, с. 44]; *Три сосульки в окне, / как сосцы у беременной суки, / И качается время... / И нету в нем больше минут* [1, с. 20]; *Скупой слезой двою усталый взгляд, / Вобрал зрачок проулок заоконный* [1, с. 37]; *Был обманчив июль и тянулся в окно повилюкою...* [1, с. 66]; *Только черная музыка Блока... / Только бледная стылость зеркал...* [1, с. 12]; *Всех и просторов-то: пол, потолок... / Всех и терзаний-то: книги и строки...* [2, с. 11]. Дом в картине мира А. Аврутина разрушается, превращается в «антидом», т.е. жилое, безопасное пространство становится нежилым. Во многих контекстах можно отметить взаимосвязь концептов «дом» и «смерть». Последняя трактуется автором как *иной дом, потусторонний простор, немой простор, Застеколье: И в мир иной с иной шагнешь межю, / Иной тропой бредя к иному дому* [1, с. 43]; *В потустороннем, голубом, / Слились просторе: / Свеча, мерцающая над столом, / И тень на шторе* [1, с. 51]; *Хладным взглядом пронзив Зазеркалье, / В Застеколье степенно шагнуть...* [2, с. 12]; *Куда уйти? Уйду глазами в стынть, / Горячностью лба – в сугроб ладоны, / Остывшим телом – в белизну простынь, / В немой простор, что вечности бездонней...* [1, с. 8]. Но смерти лирический герой не боится, так как в «ином доме» надеется на встречу с любимыми людьми: *...Где любимые лица, / светятся, / обращаются в лики, – / И тепло им, и брашно, / и честь почитают, как старей; / Где почти все соседи, / где каждый второй одноклассник...* [1, с. 10].

Для автора значимо пространство не только внутри дома, но иazole. Тут локализуются смыслы, связанные с формированием пересекающихся микрополей «дом – внутренний мир лирического героя», «дом – семья», «дом – родина»: *Всю жизнь выходит на Отчизну / Оконце узкое мое* [1, с. 35]; *Вот я в детстве стою, / но не в доме, а около дома, / И над мамой мерцает / Какой-то серебряный свет* [1, с. 30]; *Стала вдруг каменистее к дому дорога, / Стало некому «Мамочка!» крикнуть с порога...* [1, с. 77]; *Стылый сумрак. Родина у дома / Бесприютно спит на сквозняке* [1, с. 27]. Приметой пространства вне дома является дым, отнюдь не сладкий и приятный: *Дым Отечества горек и едок. / Полстраны побирושек, но все и не в такт, и не в лад* [1, с. 41]; *Пусть парит над кленом сизый дым, / Источая привкус горьковатый* [1, с. 72]. В поэтическом описании дома как родины наряду с концептом «время» (*В двадцатом столетии осталась страна, / Меня снарядившая в эту дорогу* [1, с. 12]; *Век серебряный... Без суетливости / Шел сквозь выстрелы, гогот, раздрай, / Чтoб гремела страна Гумилёвья, / А вокруг – Северянинский край* [1, с. 13]) ключевую роль играет концепт «движение». Лирический герой постоянно бредет, плетется, блуждает по стежкам, тропкам, тропинкам, дорогам, отыскивая временное пристанище в чужом доме: *И пошел я бродить вдоль садов, мимо мельниц и*

речек. / Ночевать на полатях в заброшенном доме пустом... [1, с. 40]; И останется извечная дорога. / По которой ты, не смея выбирать, / Все плетешься... От хатенки до острога... / Сквозь утраты... Да на смертную кровать... [2, с. 15]. Родина у А. Аврутина похожа на ту, какой ее видел А. Блок (дикая, нищая, непокорная): Сколь платков ни нашей – / будет Родина простоволоса, / Сколь монет ни подай – / будет пусто в усталой горсти, / Сколь ни вешай замков – / все равно вдруг прорвется без спроса... [1, с. 26]; Помнишь – на Руси начало рая / В этом нескончаемом аду. // Где всегда не торена дорога, / Где всегда избенка без дверей, / Где над крышей хмурого острога / Небо – не бывает голубей [1, с. 30]. В качестве номинаций используются лексемы *Отчизна, родина / Родина, страна, Отечество, край, Русь, Россия*. Лирический герой озабочен страданием о родине и чести [1, с. 18], думая о своей «забытой», «раненой» стране (И высокое слово «страна» / На две трети читается «рана» [1, с. 75]; ...Над забытой страной, / Вечно пропитой, вечно – страшась, / Что придет басурман, / И спойт, и ограбит опять... [1, с. 42]), которая отождествляется с ужасом и смертью (... Только ужас – Отечеству равновеликий [1, с. 37]; Есть два понятия – Родина и смерть, / которые почти неразделимы [1, с. 43]). Эта родина даже пытается уничтожить своих лучших сынов проклятиями и смертью (...Если карю смертной тебя покарать / Не успела за подвиг смурная Отчизна? [1, с. 37]; ...Какую конечную цену / Отчизна назначит тебе? [1, с. 39]; ...Чтоб родина, как Пастернака, / Кляла и топтала тебя?... [1, с. 39]; Когда Отчизне смертников не хватит, / Тогда Отчизна хватится тебя... [1, с. 44]), она никоим образом не может спасти, т.е. в качестве дома не выполняет свою охранительную функцию: Так же шатко идешь, / под собою не чуя ступеней, / И все взлеты затем, / чтобы рухнуть в конце-то концов, / И тебя не спасут / ни Отчизна, ни сумрачный гений [1, с. 23]. И все-таки достоинство человека проверяется только тем, что он сделал для своей родной страны: ...Посмотрите, что сделал для Родины, / И поймете, какой человек [1, с. 64]. Отчизна равнодушна к свершениям лирического героя (И не роптать, не плакать, не корить – / Отчизне что? – Она и так Отчизна! / А ты живи – не нужен и не признан, / А впрочем, можешь даже и не жить [1, с. 43]), но он все равно безответно любит ее: И как-то вмещаются в левом предсердье / И Черная речка, и Белая Русь [2, с. 68]. На противопоставлении антонимов *черный – белый* строится смысл лирического высказывания: любовь к родине живет вопреки тому, что здесь погиб великий поэт. Довольно часто встречается мотив исчезнувшего дома: Где мой дом? Стою, а дома нету. / Не война, да только вышло так – / Провода железные продеты / Сквозь судьбою несенный чердак [2, с. 18]; И такие пошли времена, / Что стоишь средь пустынного поля / И гадаешь – а где же страна? [1, с. 9]; Потом, поклоняясь пепелищу / На месте хатенки своей, / Почувствовал: больше не ищет / Душа его бранных путей [1, с. 61]. Однако лирический герой страшится покинуть родину, потерять дом: Этим живу и страдаю, / И вдруг услышать боюсь, / Что моя хата – не с краю, / Что мне Отчизна – не Русь [1, с. 13]. В данном примере автор умело обыгрывает фразеологизм *моя хата с краю*, в котором разрушает переносное значение и актуализирует буквальное, в результате чего вырисовывается образ малой родины – Беларуси.

Итак, в поэтических текстах А. Аврутина мы рассмотрели средства языковой репрезентации концепта «дом», обнаружив его сложность, динамичность, подверженность влиянию смежных концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврутин, А. Ю. И свеча... И музыка... И взгляд... : поэзия, переводы, проза, эссе / А. Ю. Аврутин. – Минск : Белорус. Дом печати, 2008. – 384 с.
2. Аврутин, А. Ю. Свет вечерний : сборник стихов / А. Ю. Аврутин. – Минск : Литература и Искусство, 2008. – 128 с.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
4. Полова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Полова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2010. – 314 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т русск. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 1 А–Й. – М. : Русск. язык, 1981. – 698 с.